

МОРАЛЬНОЕ БИОУЛУЧШЕНИЕ И АВТОНОМИЯ: РИСК ВИЗУАЛИЗАЦИИ БЛАГА

Р. Р. Беялетдинов
Институт философии РАН, Россия
roman_rb@iph.ras.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ
(проект № 19-011-00812)

Задача данной статьи состоит в том, чтобы картировать проблему морального биоулучшения в двух ракурсах. Во-первых, показать основные предпосылки и коннотации конфликта традиционного и биотехноориентированного процессов (на примере проблемы сокращения субъектной автономии). Во-вторых, продемонстрировать, как метафорическая визуализация блага позволяет перенести конфликт интерпретаций блага и автономии в пространство онтологического конфликта автономии и блага.

Персональная автономия – одна из доминирующих идей современной биомедицины. Технонаука как наиболее значимый тренд в построении отношений между ученым, врачом и обществом опирается на идею активного субъекта, заинтересованного в формировании собственного образа жизни, обращается к его автономии как источнику легитимности блага.

Между тем персональная автономия является и источником рисков, связанных с действиями, последствия которых могут быть крайне разрушительны и совершенно непредсказуемы. Принцип предосторожности, чья функциональность определяется через разграничение критических и некритических рисков, демонстрирует свою неэффективность в контексте инженерного и технологизированного общества.

Развитие нейротехнологий и исследования мозга, а также активное развитие генетики дают основания считать, что поведенческие стратегии, которые могут расцениваться как этические корректные либо этические девиантные, детерминированы биологически. Проблема биологизации морали возникает на уже готовом субстрате как процесс вовлечения нейротехнологий в решение социальных задач.

Современные биотехнологии таким образом выходят за границы традиционных моральных и этических дискурсов об автономии и благе. Объясняя по-новому такие процессы, как склонность и возможность морального поведения, предрасположенность к тому или иному виду деятельности, предсказывая заранее возможные предрасположенности с высокой достоверностью, биотехнологии заставляют смотреть на человека в определенном ракурсе – искать биологические причины социального и морального уклада общества. Несмотря на то, что биотехнологический комментарий рассматривается лишь как вспомогательный инструмент для этической нормы, объясняя, как автономный выбор подвержен влиянию

тех или иных биологических факторов, биологизация социального пространства является настоящим философским вызовом, суть которого – переосмысление того, что есть моральный выбор, как он возникает и чем является современная автономия и благо, из нее проистекающее.

Моральное биоулучшение – это конструктивистский подход к морали, задача которого состоит в биотехнологической трансформации автономии ради блага. В связи с этим он игнорирует уже сложившиеся дискурсы автономии и блага и, с другой стороны – нуждается в использовании метафоры для самоидентификации и выявления противоречий с уже существующими дискурсами автономии и блага.

В статье делается вывод о том, что моральное биоулучшение проблематизирует автономию и, по сути, может рассматриваться как биотехнологический патернализм.

Ключевые слова: автономия, благо, визуализация, метафора, оккупация человека технологиями, моральное биоулучшение, технонаука.

MORAL BIOENHANCEMENT AND AUTONOMY: THE RISK OF A VISUALIZED GOOD

Roman Belyaletdinov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
roman_rb@iph.ras.ru

The aim of this article is to map the issue of moral bioenhancement in two ways: (1) to show the basic premises and connotations of the conflict between traditional and biotechnology-oriented processes (using the problem of reducing subjective autonomy as an example); (2) to demonstrate how metaphorical visualization of the good allows one to transfer the conflict of interpretations of the good and autonomy into the space of the ontological conflict of autonomy and the good. Personal autonomy is one of the dominant ideas of modern biomedicine. Technoscience as the most significant trend in building relations between a scientist, a doctor and society is based on the idea of an active subject interested in shaping their own lifestyle and turns to the subject's autonomy as a source of the legitimacy of the good. Meanwhile, personal autonomy is also a source of risks associated with actions, the consequences of which can be extremely destructive and completely unpredictable. The precautionary principle, whose functionality is determined by distinguishing between critical and non-critical risks, demonstrates its inefficiency in the context of an engineering and technological society. The development of neurotechnologies and brain research, as well as the active development of genetics, gives reason to believe that many behavioural strategies that can be regarded as ethically

correct or ethically deviant are biologically determined. The problem of moral biologization arises on a ready-made substrate, as a process of involving neurotechnologies into solving social problems. Modern biotechnology thus somewhat goes beyond the boundaries of traditional moral and ethical discourses on autonomy and the good. With new explanations of such processes as the tendency and the possibility of moral behaviour, the predisposition to one or another type of activity, predicting a possible tendency to certain diseases in advance with high certainty, biotechnologies force us to look at a person from a certain angle: to look for the biological causes of social and moral behaviour. Despite the fact that a biotechnological commentary is considered only as an auxiliary tool for ethical norms, which explains how autonomous choice is influenced by certain biological factors, the biologization of social space is a real philosophical challenge, the essence of which is to rethink what moral choice is, how it arises and what modern autonomy and the good that flows from it are. Moral bioenhancement is a constructivist approach to morality whose task is to biotechnologically transform autonomy for the good. In this regard, it ignores the already existing discourses of autonomy and the good and, on the other hand, needs to use a metaphor for self-identification and identification of contradictions with the existing discourses of autonomy and the good. The article concludes that moral bioenhancement problematizes autonomy and, in fact, can be regarded as a form of biotechnological paternalism.

Keywords: autonomy, benefit, visualization, metaphor, human occupation by technologies, moral bioenhancement, technoscience.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-4-254-267

Персональная автономия – одна из доминирующих идей современной биомедицины. Технонаука как наиболее значимый тренд в построении отношений между ученым, врачом и обществом опирается на идею активного субъекта, заинтересованного в формировании собственного образа жизни, то есть обращается к его автономии как источнику легитимности и блага. Автономия становится механизмом урегулирования многих проблем в биомедицине – поддержание жизнедеятельности тяжелобольных, трансплантология, проведение биомедицинских исследований, создание биобанков и многие другие направления медицины не могут полноценно развиваться без реализации принципа автономии (прежде всего информированного согласия) – либо возвращает нас в жесткую патерналистскую модель [Вархотов и др. 2018, 80] отношений врач/пациент, плохо коррелирующую с современной технологизи-

рованной медициной. Персональная автономия помогает перераспределять этические риски между врачом, ученым и пациентом и легитимирует новейшие биомедицинские технологии через расширение автономии пациента.

Между тем персональная автономия – это и источник рисков, связанных с действиями, последствия которых могут быть крайне разрушительны и совершенно непредсказуемы. Принцип предосторожности, чья функциональность определяется через стратифицирование критических и некритических рисков [Holm 2019], демонстрирует свою неэффективность в контексте инженерного и технологизированного общества. Пороговый риск 10^6 , принимаемый, как правило, в качестве стандарта ничтожного риска, недостаточен ввиду той вероятности, что один человек из миллиона может оказаться квалифицированным инженером, способным вывести из строя атомную электростанцию и нанести огромный вред целой стране. Возможность организации серьезных технологических катастроф или разрушительных биологических субстанций в домашних лабораториях – все то, что принято считать гипотетическим «максимальным ущербом» в результате террористической атаки или экспериментов биохакеров, возможна только в силу сохранения и поддержания идеологии субъектной автономии.

Таким образом, соперничество концепций автономии и блага, перераспределение этих двух принципиальных подходов в различных локациях и системах здравоохранения сегодня являются маркером характера этического и правового взаимодействия общества, науки и здравоохранения в целом, а также источником беспокойства в связи с нарастанием рисков, связанных с высоким уровнем автономии и ограничением патернализма. Не удивительно, что поиск биологических регуляторных механизмов автономии, в обход уже сложившихся социальных и культурных практик, привлекает внимание как альтернатива развития управляемого, просоциально-го и лишённого рисков биокапитализма.

Развитие нейротехнологий и исследования мозга, активное развитие генетики дают основания считать, что многие поведенческие стратегии, которые могут расцениваться как этические корректные либо этические девиантные, детерминированы биологически. Проблема биологизации морали возникает на уже готовом субстрате как процесс вовлечения нейротехнологий в решение социальных задач.

По мнению авторов и идеологов морального биоулучшения, достижения нейронауки и генетики способны предложить инструменты для формирования предзаданности и стимулирования поступков,

гарантирующих социальную безопасность. Необходимость морального биоулучшения вытекает из экологического алармизма и распространения технологий, использование которых создает все условия для реализации сценариев «абсолютного вреда» – нанесения крайнего ущерба всему живому.

С технической точки зрения можно использовать такие биомедицинские факты, как способность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоцина – поддерживать различные формы просоциального поведения [Savulescu, Persson 2012, 667]. Расширение не только знаний, но и биотехнологических решений, которые способствовали бы мотивации человека действовать морально в ситуациях, в которых ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, прибегать к эксплуатации, насилию и т. п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека.

В 2009 году ученые в Кембриджском университете определили 27 генов, связанных с синдромом Аспергера, аутизма и эмпатии. Позднее было доказано [Rakić 2019], что способность определять и понимать эмоции других людей генетически детерминирована. Участники исследования проходили тест «определение когнитивного состояния по глазам», в ходе которого они должны были назвать характер когнитивной деятельности людей, видя только область их глаз на фотографии (задумчивый, веселый и т. п.). В задачу ученых входил поиск генетических полиморфизмов, которые бы коррелировали со способностью восприятия эмоций другого человека. В исследовании авторы ссылаются на открытие о расположении гена LRRN1 в третьей хромосоме. Этот ген экспрессирует в полосатое тело – область мозга, связанную с когнитивной эмпатией. Тот факт, что этот ген чаще встречается у женщин, объясняет, почему женщины более склонны к эмпатии, чем мужчины.

Другой пример генетической детерминированности поведения – наличия гена MAOA (neurotransmitter-metabolizing enzyme monoamine oxidase A). Низкий уровень экспрессии этого гена ассоциируется с агрессивностью молодых мужчин [Rakić 2019], выросших в неблагополучной среде. Дети, подверженные насилию и обладающие генотипом, в котором реализуется высокая экспрессия гена MAOA, в меньшей степени склонны к антисоциальному поведению.

Необходимо отметить и тот факт, что сами авторы идеи морального улучшения исходят из гипотезы, что механизм морального улучшения существует естественным образом и вопрос состоит

лишь в том, чтобы его детально исследовать и применять. Т. Дуглас так формулирует идею морального биотехнологического улучшения: «Личность морально улучшается, если меняется таким образом, что это предполагает наличие в будущем более выраженных мотивов, взятых в их совокупности, чем те, которыми эта личность обладала до того, как улучшилась» [Douglas 2014, 229].

Выбор между волей и благом представляет собой значительно более радикальный подход к человеку и морали как необходимому конститутивному свойству человеческой природы. С другой стороны, этот выбор опирается на новые знания, объясняющие биологические основания этики. Идея морального биоулучшения в целом хорошо соответствует биоинженерному характеру гибридной технонауки, в основании которой лежит концепция эпистемного сдвига [Rommetveit, Wynne 2017]: применение новейших технологий без тщательного исследования побочных, не только биомедицинских, но и социальных последствий. Взамен предлагается революция в организации поведения человека.

Старое и новое благо: конфликт моральных интерпретаций

Переход от традиционного представления о морали и нравственности (как результате культурной и образовательной интеграции человека) к биомедицинской и медикализированной природе поступка подразумевает изменение представления о благе и его связи с личностной автономией. И дело здесь не только и не столько в том, возможно ли технически направить или повлиять на поведение человека, сколько в том, как точно отдельные гормоны и гены могут оказывать воздействие на способность к восприятию этики и гарантировать эмпатию отдельных людей. Основной вопрос заключается в том, как персональная автономия может быть ограничена или изменена и как она связана с благом. Насколько благо, в данном случае – ограничение вероятного максимального вреда, достигнутое за счет подавления автономии, может быть представлено в контексте уже существующего дискурса блага и автономии.

Критик идеи морального биоулучшения А. Бьюкенен сомневается в возможности сохранения единства морального статуса улучшенных и обычных людей. Рассуждая о моральном улучшении человека, он обращает внимание на риски [Buchanan 2009], связанные с нравственным превосходством одних людей над другими.

Моральное улучшение человека с помощью биотехнологий приведет к сохранению единого морального статуса (номинальные права человека) всех людей, но при потере фактического правового равенства между улучшенными и обычными контрагентами. Обычные люди окажутся на периферии социальной жизни, в то время как морально улучшенные, используя кооперацию, станут ключевыми фигурами общества будущего.

В результате распространения морального биоулучшения искусственно исчезнут такие свойственные человеку негативные, но при этом естественные и связанные с автономией личностные качества, как нетерпимость, нетолерантность, агрессия. Отрицательные проявления человеческого характера имеют не только деструктивный потенциал, но и позитивное содержание, поскольку служат экспликацией процесса морального выбора. Искусственное элиминирование подобных дефектов может иметь отрицательные последствия. Люди, обладающие моральными дефектами, способны совершать поступки, служащие во благо общества, только благодаря своим моральным недостаткам [Wasserman 2014].

Изменение представления о благе связано с отказом от интегрального подхода к морали, игнорированием внутренней сложности моральных ценностей: сочувствия, доброты, мудрости, морального воображения [Rakić, Wiseman 2018]. Не существует общих компонентов моральных ценностей, которые можно было бы морально улучшить. Например, доверие является важной социальной ценностью. Но доверие к другу отличается от доверия к близкому родственнику. Рассуждение о «доверии вообще» и его улучшении очевидно не когерентно, так как под именем «доверие» скрываются различные явления.

Возникает конфликт интерпретаций блага: традиционное понимание блага связано с добровольным усилием, направленным на сопереживание другому, часто интеллектуально отстранённому. Нередко это постсобытийное осмысление прошлого с помощью представления различных элементов опыта другого, другой культуры, религии. Как известно, этот процесс признания другого достаточно сложен, не всегда гарантирует положительный результат, размывается двойными стандартами и не обладает устойчивостью и сохранностью моральных норм.

Вторая интерпретация, участвующая в конфликте, опирается на биоинженерный подход к человеку и обществу, на различную природу модулирования действия, признаваемые здесь и сейчас благом, в обход сложившимся в культуре обычаям и нормам.

Важно отметить, что речь идет не просто об оккупации человека некоторой технологией, а о более сложном процессе размывания границы между технологией как особым объектом и субъектной автономией, через которую технология включается в тело как неотъемлемая часть не только тела, но и самой идентичности. Происходит гибридизация человека в той мере, в которой это технологически возможно, кроме того, эта гибридизация возможна и в той мере, в которой она является переосмыслением блага и сознательным отказом от уже сложившихся в культуре и религии способов следования моральному образу действий.

Эта гибридизация может быть трех типов: принудительная, добровольная и не-добровольная. Первый тип связан с признанием ключевым аргументом радикальный алармизм и призывает рассматривать принудительное моральное улучшение как защиту от рисков автономии, он направлен на принуждение к благу за счет ограничения автономии ради общих ценностей безопасности. Вторым вариантом – добровольное моральное улучшение, допускается в качестве свободного выбора. Этот тип ограничения автономии лучше всего соответствует техноориентированному смешиванию культурных и технологических укладов, подменяет социальные институты технологиями ради достижения блага. Как предполагается, очевидное улучшение морально улучшенных людей будет способствовать тому, чтобы обычные люди делали выбор в сторону морального улучшения ради ограничения собственных недостатков [Rakić 2019]. Наконец, третий тип морального улучшения – не-добровольный – это дети, чьи родители морально улучшали себя генетически и выбрали будущее для своих детей, которые наследуют моральное улучшение уже как данность своей природы и не знают, что мир может быть иным. Для них проявления своенравности, импульсивности и агрессии будут чуждым и непонятным феноменом. Произойдет то расслоение, о котором предупреждает А. Бьюкенен: превращение морального улучшения в границу между двумя типами, уже классами, людей.

Реализация морального биоулучшения по любому сценарию ведет к одному и тому же результату: существенному ограничению автономии и фиксации общепринятой концепции блага, возможности консолидировать общие усилия ради решения общих, например экологических задач (что, собственно, является одной из целей морального биоулучшения и еще более связывает, гибридизирует человека и биотехнологии). В некотором смысле биотехнологии позволяют решать быстрее и эффективнее те задачи, которые

ставятся перед культурой, правом, семьей, школой, университетом и религией, но в ущерб личностной автономии. Скорее всего, все эти социальные институты потеряют функции идеального воспроизводства блага, поскольку оно уже будет интегрировано как врожденная данность.

При всей кажущейся нереалистичности конфликт интерпретаций в понимании природы эмпатии, справедливости, доверия, чести и других добродетелей, рассматриваемых как благо, входит в значительно более масштабный конфликт определения границы между социальным и научным. Б. Латур методологически развел эти миры для того, чтобы лучше понимать, как общество влияет на технологии и какова, собственно, природа социальной детерминации науки. Однако процесс смешивания технологий и общества, которое беззащитно перед воображением и антрепренёрами технауки, более стремителен, чем экспертные и научные противовесы, дающие критическую оценку технологиям, чья полезность и ценность не всегда убедительны и обоснованы [Rommetveit, Wynne 2017]. В рамках уже гибридной технауки, где социальное и научное тесно переплетаются, с одной стороны, проблематизируются уже сложившиеся экспертные дискурсы: биоэтические, этические, философские, религиозные, а с другой стороны – формируются запросы на экспансию технологий в общество через паблики, социальные группы, сообщества, являющиеся полноправными членами технаучного процесса. Рудиментизация мертонианского образа ученого [Вархотов и др. 2018] как носителя блага, преследующего идеальные социальные цели, связана с изменением архитектуры научных исследований, хранением и распространением биоинформации, локацией научных проектов. Менее радикальная, чем моральное биоулучшение, форма медиализации общества – генетизация [Weiner et al. 2017], подразумевающая интерпретацию человека через гены, – быстро развивается и при значительно меньшем сопротивлении профессионального сообщества. Стремление социальных групп, пабликов, фармкомпаний и других стейкхолдеров к технологизации и биотехнологизации социальных процессов через популяризацию и автономный выбор представляет собой создание все новых форм социальных укладов и связанных с ним типов контроля, часто экспериментальных, опирающихся на прямое и директивное использование технологий.

Современные биотехнологии, таким образом, выходят за границы традиционных моральных и этических дискурсов об автономии и блага. Объясняя по-новому такие процессы, как предрасположен-

ность к моральному поведению, склонность к тому или иному виду деятельности, предсказывая заранее подверженность тем или иным болезням с высокой достоверностью [Hamilton 2019], биотехнологии заставляют смотреть на человека в определенном ракурсе – искать биологические причины социального и морального поведения. Несмотря на то, что биотехнологический комментарий рассматривается лишь как вспомогательный инструмент для этической нормы, объясняя, как автономный выбор подвержен влиянию биологических факторов, биологизация социального пространства является настоящим философским вызовом, суть которого – уточнение того, что есть моральный выбор в новом для философии биотехнологическом контексте, как он возникает и чем являются современная автономия и благо, из нее проистекающие.

Кроме того, биологизация морали меняет отношение к автономии, позволяет лучше понять действия людей, чьи решения несовместимы с существующими моральными и религиозными укладами. Выступая в качестве объективного фактора, биологизация поведения производит революции в обществе: легализация эвтаназии в отдельных странах, оправдание или смягчение наказаний преступникам является демонстрацией не столько неосмотрительности или этической деградации, сколько трансформацией моральной нормы и ее связи с автономным субъектом под воздействием новых научных данных. Кантианская автономия, обращенная к рациональному субъекту, не коррелирует с биоэтической автономией [Beauchamp, Childress 2009], основанной на приоритете медикобиологических факторов и их трансляции в социальное и частное пространство.

Между тем ключевая роль автономии как для медицины, так и для биомедицинских исследований не только сохраняет свое значение, но и усиливает его. Биомедицина наращивает свои возможности в лечении, диагностике и редактировании генетических аномалий и тем самым множит риски, которые необходимо каким-то образом распределять, и именно для этого необходима концепция автономии.

Метафора как методология обсуждения проблемы морального улучшения: риск визуализации блага

Моральное биоулучшение – это конструктивистский подход к человеку, задача которого состоит в трансформации автономии

ради блага. Этот подход игнорирует уже сложившиеся дискурсы автономии и блага и, с другой стороны, нуждается в использовании метафоры или визуализации блага для самоидентификации и выявления противоречий с уже существующими дискурсами автономии и блага.

Связь автономии и блага – фундаментальная биоэтическая проблема. Основным этапом становления биоэтики стала серия скандалов, связанных с проведением биомедицинских исследований на территории США. Широкую известность получил биомедицинский эксперимент в городе Таскиги (Tuskegee), где в процессе биомедицинских исследований на протяжении десятилетий практиковалось не-лечение сифилиса у 412 афроамериканцев. Не менее печальную известность получили биомедицинские исследования по пересадке раковых клеток больным еврейской больницы в Бруклине и заражение вирусом гепатита умственно отсталых детей в спецшколе штата Нью-Йорк. Разумеется, все эти исследования проводились без информированного согласия пациентов и при молчаливой поддержке медицинского сообщества. Врачи и исследователи действовали в согласии с общепринятой в те времена нормой о том, что благо для приращения научного знания находится превыше автономии отдельных пациентов. Отказ от подобного жесткого отношения к автономии был связан с по меньшей мере уравниванием приоритетов блага и автономии.

Эти традиционные установки, как известно, привели к этическому кризису в медицине, закончившемуся созданием новых структур – системы этических комитетов, и жесткому контролю за финансированием биомедицинских экспериментов, а также к открытости дизайна биомедицинских исследований. В дальнейшей перспективе последствием этого кризиса стало расширение приоритета автономии над благом.

Сейчас разделяют как минимум три типа взаимодействия автономии и блага: дискретную, полудискретную и недискретную модели [Cohen 2019], в которых автономия не только признается как значимый фактор в принятии решений, но и заставляет пациента в доступной для него мере участвовать и избирать степень своего участия в определении того, что для него является благом. Нередки случаи, когда пациенты отдают приоритет своим личным ценностям в ущерб благу биологическому, еще чаще встречаются случаи, когда информированное согласие является лишь поверхностным и формальным действием. Между тем влияние фактора автономии

приводит к сохранению присутствия пациента в определении, что есть благо.

Концепция морального биоулучшения игнорирует эти уже сложившиеся дискурсы. Поскольку нет реально существующих и функционирующих практик морального биоулучшения, наиболее доступным и действенным языком для этой идеи является язык метафоры и визуализации. Дж. Савулеску и И. Перссон предложили визуализацию морального биоулучшения в виде Божественной машины в качестве примера того, чем является моральное биоулучшение.

Идея Божественной машины состоит в том, чтобы контролировать наиболее опасные проявления автономии, которые выходят за пределы допустимого: преступления против личности, агрессия и тому подобные действия должны фиксироваться интегрированными в мозг системами и намерениями осуществить эти действия – стираться, как если бы их не было вообще [Savulescu, Persson 2012]. Культурные, моральные, религиозные ограничители теряют свои функции. На их место приходит оператор или, возможно, искусственный интеллект как регулятор идеи блага. Метафора Божественной машины довольно точно передает идею морального биоулучшения – подмену автономии благом. Благо больше не генерируется автономией, а напротив, принудительно инсталлируется в поведение. Причем эта инсталляция никак не коррелирует с размышлениями, сомнениями и чувством вины, мести или долга. Моральная роботизация – это фиксация некоторого сложившегося представления о благо без возможности эволюции. Следует отметить, что Перссон и Савулеску рассматривают Божественную машину скорее как часть комплекса морального улучшения – как систему безопасности, причем выносят эту возможную технологию за рамки морального улучшения. Они сохраняют функциональность автономии как гарантию подлинности блага тех поступков, которые совершаются под действием морального улучшения.

Между тем метафора Божественной машины показывает, что и моральное улучшение – лишь лишнее звено в реализации биологизированной системы социальной безопасности – основной цели морального биоулучшения. Зачем морально улучшать человека и обращаться к столь сомнительному и нестабильному источнику блага, как автономия, если можно просто отключать саму возможность совершения неморальных поступков? Божественная машина как наиболее жесткая форма регулирования поведения вводит биотехнологизированную идею блага.

Моральное биоулучшение проблематизирует автономию и, по сути, может рассматриваться как биотехнологический патернализм. Биотехнологизированный, высокотехнологичный патернализм в действительности может быть привлекательной концепцией, учитывая, что различные версии патернализма, в том числе и так называемый мягкий патернализм, остаются актуальным фактором во взаимодействии врача и пациента.

Однако моральное биоулучшение ставит проблему легитимности блага. Оно уже не плод раскаяний и личностных усилий, не кодекс поведения врача, а результат биомедицинского вмешательства в личность.

Вторая проблема – подвижность представлений о том, что есть благо. Не секрет, что представления о благе постоянно эволюционируют. В значительной степени эта эволюция связана с влиянием социальных, технологических, культурных и религиозных факторов на автономию многих тысяч людей. Биотехнологическое проецирование концепции блага и ограничение автономии можно сравнить с идеей конца истории – концепцией, согласно которой борьба за признание и есть основное содержание истории. Если будут уничтожены институты и любые источники господства, которые, собственно, и продуцируют насилие, история остановится. Однако вместе с историей остановится и перераспределение ответственности и рисков, за что отвечает полноценная автономия. Если человек принимает решение под влиянием биомедицинских препаратов или ограничен в своих поступках Божественной машиной, ответственность за риски ложится на авторов алгоритмов, по которым действует моральное биоулучшение, или же ответственность ложится на искусственный интеллект, если контроль за алгоритмами блага переложен на него. Очевидно, эти сценарии могут оказаться еще более рискованными, чем традиционный самоконтроль, в случае глобального применения морального биоулучшения, и умеренно рискованными, если применение диверсифицировано – для отдельных профессий (например, для профессий, сопряженных с высоким уровнем стресса, где необходим высокий контроль за агрессией).

Тем не менее следует учитывать не только сложность концепции блага, но и процесс биотехнологизации и медиализации общества. Моральное биоулучшение как альтернативная версия источника блага и контроля за рисками может и должно рассматриваться в глобальном контексте биосоциализации человека, а сама эта проблематика остается открытой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вархотов и др. 2018 – *Вархотов Т. А., Аласания К. Ю., Брызгалина Е. В., Гавриленко С. М., Рыжов А. Л., Шжомова Е. М.* Технонаука и этос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 61–83. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-61-83
- Beauchamp, Childress 2009 – *Beauchamp T. L., Childress J. F.* Principles of biomedical ethics. Oxford, 2009. P. 344.
- Buchanan 2009 – *Buchanan A.* Moral Status and Human Enhancement // *Philosophy & Public Affairs* 37. 2009. № 4. P. 346–381.
- Cohen 2019 – *Cohen S.* The logic of the interaction between beneficence and respect for autonomy // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2019. Т. 22. № 2. P. 297–304.
- Douglas 2014 – *Douglas T.* Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*. 2014. V. 40, № 6. P. 359–360.
- Hamilton 2019 – *Hamilton J.* A Genetic test that reveals alzheimer’s risk can be cathartic or distressing // NPR, Issue date: 12. 07. 2019. URL: <http://www.npr.org/sections/health-shots/2019/07/12/740714662/a-genetiHYPERLINK>
- Holm 2019 – *Holm S.* Precaution, threshold risk and public deliberation // *Bioethics*. 2019. Т. 33. № 2. С. 254–260. DOI: 10.1111/bioe.12488
- Rakić 2019 – *Rakić V.* Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2019. V. 28. P. 46–54. DOI:10.1017/S0963180118000373
- Rakić, Wiseman 2018 – *Rakić V., Wiseman H.* Different games of moral bioenhancement // *Bioethics*. 2018. Т. 32. № 2. P. 103–110.
- Rommetveit, Wynne 2017 – *Rommetveit K., Wynne B.* Technoscience, imagined publics and public imaginations // *Public Understanding of Science*. 2017. Т. 26. № 2. P. 133–147. DOI: 10.1177/0963662516663057
- Savulescu, Persson 2012 – *Savulescu J., Persson I.* Moral enhancement, freedom and the god machine // *The Monist*. 2012. Т. 95. № 3. P. 399.
- Wasserman 2014 – *Wasserman D.* When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // *Journal of Medical Ethics*. 2014. V. 40. № 6. P. 375.
- Weiner et al. 2017 – *Weiner K., Martin P., Richards M., Tutton R.* Have we seen the geneticisation of society? Expectations and evidence // *Sociology of Health & Illness* 2017. Vol. XX. No. XX. P. 1–16. DOI: 10.1111/1467-9566.12551

Материал поступил в редакцию 25.06.2019